

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА

доцента, доктора искусствоведения Стекловой Ирины Алексеевны на диссертационную работу **Баевой Ольги Владимировны** на тему **«НАХИЧЕВАНЬ-НА-ДОНУ И СЕЛА ДОНСКИХ АРМЯН В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ АРХИТЕКТУРЫ И ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ»**, представленную на соискание ученой степени доктора искусствоведения по специальности 2.1.11. Теория и история архитектуры, реставрация и реконструкция историко-архитектурного наследия

На оппонирование представлены

– диссертация в двух томах: 1 том – текстовая часть объемом 384 стр., содержащая введение, семь глав, заключение, список литературы и архивных источников (371 наименование); 2 том – иллюстративно-графическая часть объемом 63 стр., содержащая пять приложений (16 таблиц, 173 рисунка);
– автореферат диссертации объемом 42 стр.

Представленная диссертация обладает неоспоримой **актуальностью**. Она обращена к одному из редчайших прецедентов мировой цивилизации — к физической пересадке сегмента национальной культуры с воссозданием ее материальной составляющей по нематериальной, т.е. при полном понимании неразрывности того и другого. Речь — о формировании жизнеспособного поселения армян, а заодно и образа идеального армянского города, сначала на левом, потом на правом берегу русской реки Дон. Фокус, который выбрала Ольга Владимировна Баева, наводится на развитие архитектурно-планировочной структуры и эстетического облика города Нахичевань-на-Дону в соответствии с ценностями истории и мифологии, религиозной и обыденной жизни далекой Армении. На практике это конкретные градостроительные, инженерно-строительные, архитектурные, художественные, топонимические, хозяйственные, коммуникативно-обрядовые и пр. традиции в максимально концентрированном символическом изводе, рабочие механизмы фильтрации и адаптации данных традиций в системе международного, межконфессионального общежития и административного управления Российской империи.

Означенный фокус весьма востребован в разных отраслях гуманитарного знания, начиная с искусствоведения и архитектуроведения, где он показателен

сразу в нескольких аспектах. Например, для прояснения картины освоения южных земель России в ходе Екатерининских реформ или для осмысления идеологической ответственности архитектурно-художественного стилеобразования в век тотального игрового стилизаторства, иначе, историзма как романтической мифологизации истории через целенаправленное преобразование предметно-пространственной среды. Выделить маркеры автономного стилеобразования вкупе с причинами воспроизводимости и благодаря, и вопреки — задача исключительной сложности. Однако О. В. Баева ее решает. На протяжении всего исследования она прослеживает динамику этнически окрашенных формально-композиционных подходов к тому, что прямо называет армянским стилем и позиционирует в качестве судьбоносного патриотического тренда в деле сохранения идентичности и сплочения древнего народа.

Напряженные диалоги между архитектурными доминантами, гражданской застройкой, планировочными приемами, обслуживающими и знаменующими собой утилитарные и духовные запросы армян в новообразованном Нахичеванском округе, с одной стороны, и в легендарной столице Армении Ани, Москве, Санкт-Петербурге, поселениях Закавказского региона, Крыма, южной и центральной России, с другой стороны, составляют единую искусствоведческую канву. В целом, **работа структурирована** по проблемно-хронологическому принципу. Материал второй половины XVIII — начала XX в., придающий исследованию заведомую **достоверность**: законодательные акты, статистические отчеты, натурные обмеры, архивные фото, планы, чертежи, документы и пр., — распределен по семи главам с тематически мотивированным смещением акцентов исследования исторического, политического, социального, архитектуроведческого, искусствоведческого, мировоззренческого толка.

Привлечение столь обширного, разнообразного, авторитетного материала потребовало не только внимательного структурирования, но и эффективной **методологии исследования**. Так появилась системная методология, позволяющая увязывать самостоятельные виды анализа и разные историко-

теоретические аспекты. С помощью нее, например, были реконструированы непростые культурно-исторические процессы, которые предопределили плодотворное взаимодействие «общероссийских черт и отличительных особенностей архитектуры армян Нижнего Дона» (диссертация, с. 26). Собственно, **обоснованность научных положений и выводов**, осуществленных О. В. Баевой, обусловлена неуклонно-поступательным применением данной методологии, как и всесторонней изученностью затрагиваемых вопросов, корректностью интерпретации первоисточников и натуральных обследований. Наконец, нельзя не отметить, что ясности всего перечисленного способствует прекрасное качество языка изложения, емкий, чистый литературный стиль.

Структура и содержание работы

Наиболее любопытной **в первой главе** *«Предыстория армян Нижнего Дона и традиции их архитектуры в эпоху Средневековья и в начале Нового времени»* видится линия выработки ценностных ориентиров и их архитектурных эквивалентов в анийский и крымский периоды. Подчеркивается роль символики в слове и камне, которая объединяла народ в ситуации утраченной государственности попечениями Армянской Апостольской церкви, культивируя память о национальных святынях, в частности, о великолепном городе Ани с его «купольными храмами, дворцами, крепостными стенами и протяженным торговым центром» (диссертация, с. 69).

Название **второй главы** *«Российская политика в отношении переселяемых в империю народов иноверческих, инославных и православного исповеданий: архитектурно-градостроительные аспекты»* заявляет о ее содержании предельно точно. Стилистика армянских церквей на необъятных просторах России не могла не испытывать на себе давления классицистического и русско-византийского формообразования. Поворот к моделированию самостоятельного национального стиля наблюдается с середины XIX в. Закономерно, что ранее всего он обозначился в культовом зодчестве армянских общин Закавказья, в непосредственной близости к исторической родине, к прообразам VII в. Зато в

последней четверти XIX в. церкви в армянском стиле строились уже по всей стране. Стиль синтезировал элементы не только армянского, но и грузинского средневековья, «что объясняется выборочным использованием обмерных чертежей профессора Д. И. Грима» (диссертация, с. 132).

Материал **третьей главы** «Новая социокультурная среда и экономико-правовые основы жизни армянской общины на Дону» объясняет феномен пересадки культуры. Для того чтобы укорениться на новом месте, перебравшиеся из Крыма армяне начали создавать не только хозяйственную, но и духовно-знаковую структуру, своего рода культурную автономию, начиная с топонимики и установки старинных хачкаров. Разумеется, они действовали единственно доступным способом — осторожно, через интеграцию в российскую экономику и культуру, балансируя между законопослушанием и изоляцией сельских общин.

Чрезвычайно информативной представляется **четвертая глава** «Планировочная структура и особенности градостроительного развития Нахичевани-на-Дону и армянских сел Нижнего Дона». Помимо анализа череды генеральных планов города, рассматривается урегулирование и благоустройство коммуникативно-обрядовых средоточий: площадей, парков, кладбищ, — а также сел и монастырского комплекса Сурб Хач, возведенного с учетом живописного «вида на речку и степные просторы» (диссертация, с. 202). То есть, нивелирующие стандарты функциональной целесообразности, например, «противопоставление парадного и утилитарного пространства, вывод жилых зданий на красную линию», не противоречили культивируемому идеализму армян и даже давали ему дополнительные импульсы (диссертация, с. 206).

Реалиям компромиссного стилеобразования в пределах Нахичеванского округа посвящена **пятая глава** «Особенности архитектуры донских армян в эпохи классицизма и эклектики, конец XVIII — середина XIX в. Взаимодействие образцовых проектов и традиций». Выделяются две стадии стилеобразования: зрелый классицизм конца XVIII — первой половины XIX в. и переход классицизма к унифицированному византийству К.А.Тона в середине XIX в. Есте-

ственно, иллюстрируют это движение сначала культовые, потом гражданские объекты. И в городе, и в селах отмечается обычная для провинции инерция классицизма, постепенно вбирающего в себя те элементы из тоновских предположений, которые казались «наиболее нейтральными с точки зрения трансляции ими идей русского православия» (диссертация, с. 233).

В шестой главе *«Новации в стилистике архитектуры поселений донских армян во второй половине XIX — начале XX в.»* анализируются целеполагания перемен местного стилеобразования, отражающего общероссийскую тактику развития национально-романтических течений. То, что главным обретением здесь стал армянский стиль, доказывает церковь Сурб Карапет и другие церковные объекты. В то же время, судя по европеизации некоторой части топонимической и архитектурно-планировочной символики, нахичеванцы не гнушались промерять свою эстетику по Санкт-Петербургу как сочетанию классицистической строгости с ренессансными и барочными реминисценциями. Последние прослежены в архитектуре городского Нахичеванского театра, свидетельствуя о соответствии «современным представлениям об образе театральных зданий» (диссертация, с. 308).

В седьмой главе *«Итоги развития архитектуры армянской общины Нижнего Дона и судьба наследия»* оценивается вклад пересаженного и европеизированного сегмента национальной культуры в общечеловеческую культуру. Рассуждение Ольги Владимировны заставляет думать, что затраченные на него колоссальные усилия нескольких поколений оправдывает уже одно имя М. С. Сарьяна, который учился идеализировать Армению, находясь от нее за тысячу километров, в особо красноречивом архитектурно-художественном пространстве.

Новизна научных положений, выводов и рекомендаций определяется тем, что динамика архитектурно-планировочных особенностей населенных пунктов Нахичеванского округа, демонстрирующая зарождение армянского стиля в ситуации зависимости «донских армян от принципов и установок, господствовавших в русской архитектуре» (диссертация, с. 26), рассматривается в

качестве самодостаточного предмета исследования впервые. Более того, указанная динамика впервые позиционируется как целостный художественный и культурный феномен на фоне аналогичных феноменов «различных этноконфессиональных групп и как результат развития зодчества Российской империи Нового времени» (*диссертация, с. 308*). То, что ранее не упоминалось или высказывалось в научной литературе бегло, отрывочно, импровизационно, представлено в настоящем исследовании в виде систематизированных, внятно сформулированных положений и выводов на основе нового (по подбору, охвату и глубине изучения) материала.

Означенная новизна обладает немалой **теоретической и практической значимостью**. Первая обусловлена вкладом диссертации в опыт осмысления планировки и архитектурной среды городов, быстро разраставшихся в южных провинциях Российской империи, — введением в научный оборот десятков архивных документов и свидетельств натуральных обследований, в том числе, через публикацию множества монографий, статей, докладов. Вторая — созданием методологической и фактологической базы для дальнейших исследований армянской архитектуры Нового времени, рассеянной теперь по разным странам. В конце Заключения Ольга Владимировна дает прямые **практические рекомендации** к сохранению исторического своеобразия изучаемых поселений, требующих статуса объектов культурного наследия и учреждения объединенной охранной зоны (*диссертация, с. 346*).

Замечания

Всецело поддерживая достоинства диссертации, необходимо отметить и ее недостатки.

1. Главным из них кажется определенная недосказанность собственно искусствоведческой концепции. И это притом, что на протяжении исследования Ольга Владимировна последовательно идет к выводу о важности усвоения текстов державной культуры, которое оказалось для донских армян «весьма плодотворным, подготовило мощный всплеск армянского искусства, мастера кото-

рого создали новое национальное искусство и архитектуру в XX в.» (*диссертация, с. 334*).

2. Далее следует остановиться на том, что помешало работе стать более компактной и отчетливой по мысли, а именно, на некоторых отклонениях от проблемно-хронологического принципа в структурировании материала. В частности, материал второй главы, раскрывающий перипетии архитектурно-художественного стилеобразования конца XVIII — начала XX в. в Российской империи, мог бы влиться в пятую и шестую главы, обращенные к тем же процессам в локации Нахичеванского округа. Думается, в этом случае стала бы более логичной и связь между главами 1 тома и приложениями 2 тома.

Остальные недостатки менее существенны.

3. Заметное лексическое однообразие: текст диссертации и автореферата обременяют самоповторы, вплоть до формулировок, дословно воспроизводящих друг друга, в частности, в абзацах на стр. 132 и 314.

4. Необязательность отдельных выводов, например, вывода о роли Императорской академии художеств и Института гражданских инженеров в артикуляции армяно-византийского стиля, который является общим местом в архитектуроведении и вряд ли нуждается в защите (*диссертация, с. 132*).

5. Перегруженная историческая фактура, избыток вспомогательной информации, более уместный в приложениях, вроде слишком детального описания уклада нахичеванцев в сельском хозяйстве и животноводстве (*диссертация, с. 153–156*).

Высказанные замечания не умаляют общей положительной оценки исследования как оригинального системного приближения к исключительно актуальной, глобальной проблеме мигрирующих культур и компенсируются превосходным качеством его аналитической подачи. Теоретические положения, выносимые на защиту, следует считать доказанными. Автореферат соответствует содержанию диссертации и отражает ее главные положения. Основные результаты исследования опубликованы в должном объеме в форме монографий, статей, докладов.

Заключение

Диссертация «**НАХИЧЕВАНЬ-НА-ДОНУ И СЕЛА ДОНСКИХ АРМЯН В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ АРХИТЕКТУРЫ И ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ**» является самостоятельной научно-квалификационной работой, которая содержит достоверные результаты, обоснованные выводы и рекомендации и отвечает критериям, установленным Положением о присуждении ученых степеней (постановление Правительства РФ № 842 от 24.09.2013 г.) для диссертаций, представленных на соискание ученой степени доктора искусствоведения, а ее автор **Ольга Владимировна Баева** заслуживает присуждения ученой степени доктора искусствоведения по специальности 2.1.11. Теория и история архитектуры, реставрация и реконструкция историко-архитектурного наследия.

доктор искусствоведения, доцент,
профессор кафедры семиотики и общей теории искусства
факультета искусств Федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего образования
«Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова»

Стеклова Ирина Алексеевна

25 декабря 2023 г.

тел.: +79870714258
e-mail: i_steklo60@mail.ru

Подпись И.А. Стекловой заверяю:

Декан факультета искусств
Федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего образования
«Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова»
доктор филологических наук,
профессор

А.П. Лободанов

Адрес организации: 125009, Россия, Москва, ул. Большая Никитская, д. 3, стр. 1, факультет искусств.
Тел. +7 495 629 5605, e-mail: info@arts.msu.ru, website: <https://www.arts.msu.ru>

Подпись И.А. Стекловой
Удостоверяю _____
Зав. канцелярией факультета
искусств МГУ им. М.В. Ломоносова
" 25 " декабря 2023 г. Н.А. Кузнецова